Анатолий Воронин

ДУХ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

…Жестокость была обоюдной и диктовалась не законами войны, а эмоциями. Не жалели никого, даже скотину, которая по воле случая попадала под горячую руку противоборствующих сторон. Резали, рвали, душили все, что могло передвигаться, или хотя бы шевелиться.

Законы войны — не писаны, дики…

Made for library
LIBRUSEC

- Воронин Анатолий Яковлевич
  - Вместо пролога
  - Кандагар
  - Джилани
  - Моджахеды
  - Договорные банды
  - Издержки гражданской войны или игра в шпионов
  - Встреча с Абдуллой
  - Предательство
  - Возмездие
  - Вместо эпилога
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16

- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20

Воронин Анатолий Яковлевич
ДУХ

Вместо пролога

Шел уже второй год моего пребывания в афганской загранкомандировке. По местным меркам, меня можно было уже причислять к матерым стервятникам, у которых не было за душой ничего святого. Рейды со спецназом и индивидуальные операции по ликвидации конкретных полевых командиров и их подчиненных были неотъемлемой частью жизни советника спецотдела царандоя.[1]

Имея за плечами двенадцатилетний оперативной опыт в уголовном розыске, я довольно легко усвоил азы разведывательно-диверсионной работы. Именно этим занимался спецотдел. И горе тому, кто по той или иной причине попадал в поле его зрения. Конечный итог для них был один — бомбоштурмовой удар, артобстрел и, как самое последнее, что могли предложить «шурави», быть повешенным на стволе «нюрки».[2]

Жестокость была обоюдной и диктовалась не законами войны, а эмоциями. Не жалели никого, даже скотину, которая по воле случая попадала под горячую руку противоборствующих сторон. Резали, рвали, душили все, что могло передвигаться, или хотя бы шевелиться.

Законы войны — не писаны, дики…

Кандагар

Те, кому волею судьбы хоть раз пришлось побывать в Кандагаре, никогда не забудут этот экзотический восточный город.

С незапамятных времен, являясь южным форпостом Афганистана и одним из символов его могущества, Кандагар считался непризнанной столицей независимых пуштунских племен. Зная об этой особенности Кандагара, правители Афганистана всех времен старались не упускать своего влияния на этот мятежный город. Заигрывая с вождями крупных племен и давая им возможность самостоятельно вершить человеческие судьбы, бывшие эмиры и короли Афганистана превратили Кандагар в некое подобие свободной экономической зоны. При этом сами короли и окружавшая их знать, никогда не забывали и о своих интересах. Многочисленные дворцы и виллы, украшавшие Кандагар и его пригороды, подчеркивали значимость их владельцев, занимавших ответственные посты в Кабуле.

Расположенный на стыке южных отрогов Гиндукуша и жарких песков Регистана — Кандагар гармонично вписывался в окружающий его ландшафт. С запада и востока к городу подступали невысокие скалистые хребты, которые так же как и оазисная долина, раскинувшаяся к югу от города, защищали его от палящих ветров и пыльных бурь.

Особый колорит городу придавали вековые сосны и огромные тополя, произраставшие по всему городу. Особенно много их было Шестом районе, раскинувшемся к западу от старых кварталов Кандагара. Эта часть города фактически была лесопарковой зоной, облюбованной и преобразованной в 20-м веке местной знатью.

Надо отдать должное местным жителям, которые за годы военного лихолетья не поддались соблазну и не пустили всю эту зеленую прелесть на дрова.

В кронах деревьях гнездились экзотические птицы. Больше всего было попугаев. Окрашенные в ярко-зеленые цвета, они в огромных количествах восседали на макушках раскидистых чинар и гранатовых деревьев. Их резкое цоканье были слышно по всей округе.

Центральная часть Кандагара представляла собой древний город, поделенный на четыре независимых друг от друга района, обнесенных общей глинобитной стеной, служившей в свое время оборонительным рубежом. Каждый район имел свою мечеть и баню, которые для местных жителей являлись своеобразными

центрами общения.

В центральной части старого города располагалась большая мечеть с куполом голубого цвета. Этот купол был виден за многие километры, что делало его хорошим ориентиром для моджахедов при обстрелах правительственных и военных объектов.

Согласно древнему преданию, пророк Мохаммад, посетивший Кандагар во время миссионерского путешествия по Азии, подарил своим ученикам кожаный плащ. Со слов прихожан, этот плащ до настоящего времени хранится в мечети как одна из святынь Ислама.

В старый город можно было попасть с любой из четырех сторон. Парадный въезд в него, увенчанный каменными воротами «Идго», названными так в честь большого религиозного праздника — Ид, располагался с северной стороны. Построенные в характерном для средневекового Востока стиле и расписанные разноцветной глазурью, ворота до сих пор являются своеобразной визитной карточной Кандагара.

В 20-м столетии часть старого города была снесена, а на его месте был построен комплекс зданий, в которых разместилось губернаторство и прочие государственные органы. После Апрельской революции предназначение этих зданий существенно не изменилось. Но только теперь это была уже вотчина нового губернатора и целой армии его чиновников.

Особый колорит городу придавали базары, лавочки и лавчонки, каковых в городе было многочисленное множество.

Насквозь пропитанная копотью мастерская ремесленника, специализирующегося на изготовлении медных казанов и прочей домашней утвари, мирно соседствовала с хлебопекарней, в тандыре которой весь день пеклись плоские кукурузные лепешки. Дукан торговца тканями вплотную примыкал к мясной лавке, а овощная лавка — соседствовала с мастерской по ремонту велосипедов.

Особый колорит всей этой экзотике придавали многочисленные чайханы, которые попадались буквально на каждом шагу. Кроме традиционного чаепития чайханщики обеспечивали своим посетителям целый спектр сервисных услуг, — от дремоты на подушках, до курения кальяна с опием…

Но был у Кандагара и иной облик.

Как и другие города, и кишлаки Афганистана, его не обошла стороной война, которая на протяжении нескольких лет бушевала в этой стране. Развалины домов, которые когда-то были красивейшими виллами, можно было увидеть сразу же на въезде в город. И не имело значения, с какой стороны вы попадали в город — разруха была повсюду.

Солдаты и офицеры Советской Армии, проходившие службу в Кандагаре, наверняка никогда не забудут ни «Элеватор», ни «ГСМ», ни «Черную площадь». Это были черные дыры, в которые улетали души погибших советских солдат и миллиардный военный бюджет Советского Союза.

Обочины дороги, ведущей от «Черной площади» к «Элеватору», сплошь были усеяны остовами сгоревших автомашин и бронетехники. Побывав в 1987 году именно на этом участке дороги, Александр Розенбаум написал свой знаменитый «Чёрный тюльпан». В исполнении автора эту песню первыми услышали военнослужащие Кандагарской Бригады.

На стене одного из полуразрушенных зданий «ГСМ» наверно до сих пор сохранилась надпись, которую тогда углем сделал Розембаум. Всего одно слово — «Удачи!»

Джилани

Добродушный водитель по имени Джилани, весельчак и балагур, коренной кандагарец, был душой всего советнического аппарата провинциального царандоя. Мне он больше всего пришелся по душе. Простецкий и бескорыстный, он был готов перегрызть горло любому собрату, который хоть что-то имел против военных спецов, особенно советников уголовного розыска и спецотдела. Не раз выручал меня и моего переводчика Олега, когда мы возвращались в «Кампайн», попросту — ООНовский городок[3] в неурочное время, которое фактически начиналось после обеденного намаза.

Джилани был «справным» водителем, даже в мыслях не позволявшим себе, чтобы старенькая «Тойота», на которой он честно отрабатывал свой хлеб, могла подвести его и перевозимых им советников. «Тойота» отвечала ему тем же.

Внешне Джилани был невзрачным, худощавым мужичком в возрасте Христа, чуть ниже среднего роста, с огненно-красной растительностью на голове. Одевался исключительно в национальную одежду — длинную рубаху, широченные штаны и тапочки на босую ногу. По-русски Джилани разговаривал не так чтобы хорошо, но зато освоил афганский вариант «эсперанто» — своеобразный каламбур из расхожих русских слов в сочетании с дари. Этого ему было достаточно для общения с «шурави». Но когда Джилани пытался объясниться, складывалось впечатление, что другим его языком являются руки — настолько быстро он ими жестикулировал.

На запястье левой руки, рядом с большим пальцем, у Джилани была наколка в виде фашистской свастики.

Как-то раз я пошутил, спросив, в каких именно войсковых подразделениях фрицев он служил. Джилани невозмутимо объяснил, что еще в детстве эту наколку сделал ему сосед индус. По древним преданиям индусов, этот знак означает удачу и везение во всех делах. Человек, имеющий такую татуировку, считается заговоренным от всех невзгод и бед, которые могли случиться с ним в жизни.

У Джилани действительно не было оснований жаловаться на жизнь. Работа его была довольно спокойной, так как на боевые операции вместе с советниками он никогда не выезжал. В этом не было необходимости, поскольку все советники, в том числе и я, предпочитали передвигаться по «зеленке» исключительно на бэтээрах.

Повседневная работа советника спецотдела предполагала

постоянное перемещение не только по городу, но и за его пределами. Это было связано со спецификой выполняемой им работы. При этом никакого сопровождения ему никто не обеспечивал. В лучшем случае рядом с ним мог оказаться переводчик. Да и то, это было только в тех случаях, когда выезд осуществлялся в подразделения царандоя, где не было русскоговорящих афганцев. А такое бывало редко, так как большинство царандоевских офицеров, занимавших даже не совсем ответственные руководящие посты, сносно говорили по-русски.

В поездках по городу рисковали оба, поскольку могли в любой момент попасть в заваруху, конечный итог которой был непредсказуем.

Однажды, я ехал с Джилани через старый город. Полуденный зной сморил жителей города и они, в большинстве своем, отсиживались в тени деревьев, или под матерчатыми навесами дуканов и чайхан. Впереди нашей машины, не спеша крутя педали китайского велосипеда, ехал бобо.[4] Не знаю что с ним произошло, но, скорее всего, он просто заснул на ходу. Когда машина поравнялась с бобо, он неожиданно вывернул руль велосипеда в её сторону и в мгновение ока оказался сидящим на капоте «Тойоты». Ничего не соображая, он в испуге таращил глаза во все стороны. Около машины мгновенно собралась толпа зевак, которые, завидев в её салоне «шурави», подняли невообразимый гвалт. Я отлично понимал, что выходить из машины в такой ситуации было крайне опасно. В толпе мог найтись моджахед, который запросто всадил бы в спину нож. Ищи потом ветра в поле.

Джилани мгновенно сориентировался в сложившейся ситуации. Выхватив из под своего сиденья «кривой стартёр», пошел с ним на толпу. Такого напора с его стороны никто не ожидал, и все в испуге замерли. Воспользовавшись замешательством, Джилани заскочил в машину и дал «по газам», едва не сбив двух бачат, крутившихся около валявшегося на дороге велосипеда «бобо»…

Моё постоянное общение с Джилани, и завязавшиеся на этой почве дружеские отношения, постепенно переросли во что-то большее, чем просто служебные отношения подчиненного и начальника. Зная, что Джилани имеет троих детей, которые фактически живут впроголодь, я помогал, чем мог. Всякий раз, выезжая с ним на рекогносцировку в Бригаду[5], я покупал в чековом ларьке конфеты, сгущенку, прочие сладости, отлично понимая, что он отдаст их своим детям. Доброжелательные отношения между мной и Джилани, рано, или поздно, должны

были сыграть решающую роль в достижении положительного результата по вербовке одного из полевых командиров.

Старший брат Джилани — Абдулла — был, кстати, руководителем одного из серьезных формирований моджахедов в пригороде Кандагара. Операции, проведенные его отрядом в 1983/85 гг. под Кандагаром, а также в провинциях Гильменд и Заболь, долго еще будут помнить те, кто с ним воевал.

Моджахеды

Гражданская война, начавшаяся сразу после Апрельской революции, расколола Афганистан надвое. Те, кто не принял нового порядка, автоматически попадал в категорию «духов», а те, кто вставал на защиту новой власти, становились «неверными» для Ислама, как это представляли местные проповедники мусульманства.

К ограниченному контингенту советских вооруженных сил, введенному в Афган 25 декабря 1979 года, местное население относилось как к оккупантам. Практически во всех провинциях развернулось массовое движение сопротивления. Особо ожесточенное противодействие советским войскам моджахеды оказывали на юге страны, в том числе и в Кандагарской провинции. Советская военная машина также особенно не либеральничала. Вся территория Афгана была изрыта бомбовыми воронками, а города и кишлаки превращены в руины.

Статистика — неумолимая вещь. Шурави потеряли на афганской войне около 15 тысяч погибшими (груз 200) и около 56 тыс. ранеными (груз 300). А сколько моральных инвалидов получила Родина из более чем 500 тысяч вернувшихся домой живыми? До сих пор их никто так и не подсчитал.

Афганистан пострадал еще круче.

Кроме разваленной экономики, от которой практически не осталось ничего, страна получила более миллиона убитых соотечественников, и это при 15-ти миллионной численности коренного населения (с учетом кочевых племен)! О количестве раненных и покалеченных афганцев говорить вообще не приходится.

Как ни парадоксально, но моджахеды, имеющие боевой опыт, страдали меньше всего. Основные потери несли мирные жители. Хотя, на этой войне было очень трудно отличить одних от других. Пастух, мирно пасущий в дневное время отару овец, ночью превращался в моджахеда-головореза…

Моджахедами становились по разным причинам. Одни брали в руки оружие и мстили госвласти и «шурави» за убитых родственников, за потерянное имущество, нажитое годами. Другие, попадая в сложную житейскую ситуацию, шли в банду «на заработки». Денег от продажи украденного, или захваченного в бою автомата Калашникова, вполне хватало для выплаты «калыма» за очередную жену, или оплаты старых долгов.

Публика в бандах подбиралась разношерстная, от обиженных и оскорбленных честолюбцев, до махровых уголовников.

В главарях банд зачастую ходили бывшие военные, землевладельцы, учителя (муалемы), религиозные деятели (муллы), а также авторитетные люди, выдвигаемые на этот пост старейшинами племен (Джиргой).

Практика афганской войны показала, что особую жестокость по отношению к противнику, чаще всего проявляли банды укомплектованные малограмотными пастухами и декханами. Оторванные войной от земли, лишенные последнего куска хлеба, они воспринимали противника как причину всех своих житейских невзгод. Им нечего было терять, поскольку, их дома были разрушены, а близкие родственники зачастую убиты. Их руки, отвыкшие от созидательного труда, умели только убивать. Примитивная психология рядовых моджахедов легко поддавалась влиянию со стороны наиболее грамотных главарей. Ну а если главарем банды был мулла, жестокость обретала идейную подоплеку джихада.

Среди главарей попадались откровенные садисты, которым война приносила моральное наслаждение. Таковых было не особенно много, но проблемы они создавали весьма серьезные.

В Кандагарской провинции наверно только бессловесные ишаки не знали полевого командира Муллу Маланга. При упоминании имени этого головореза, у людей от ужаса стыла кровь в жилах. Его ненавидели не только шурави, но и сами афганцы.

Двадцатидевятилетний низкорослый мужичонка, каковых у нас на Руси издревле обзывали «метр с кепкой», держал в страхе всю округу. О его похождениях и садистских наклонностях ходили легенды, которые, тем не менее, имели под собой весьма конкретные обоснования. Мулла Маланг разъезжал на скоростной «Тойоте», способной перевозить до полутора десятка моджахедов. В кузове грузовичка постоянно лежала широкая доска, с которой Маланг никогда не расставался. Её он использовал в качестве своеобразного жертвенника, на котором казнил своих недругов. Попасть на эту доску мог любой, даже член банды, заподозренный в измене. Маланг разработал своеобразный ритуал, состоящий из целого букета изощренных пыток с постепенным расчленением человеческой плоти. Жертва умирала в страшных муках, которые трудно даже представить. За Малангом долго и упорно охотились афганские и советские спецслужбы. За его голову обещали хорошую награду. Но он был неуловим. В 1985 году агентам афганского МГБ удалось вычислить место дислокации его банды, и спецназовцы ГРУ провели дерзкую операцию по её уничтожению. В ходе жестокого боя банда была фактически уничтожена. Однако Малангу и двум

его телохранителям удалось избежать возмездия.

Словно недобитая ядовитая змея он уполз в Пакистан зализывать свои раны. Три месяца спустя Маланг вновь объявился в провинции и с ещё большим остервенением продолжил борьбу с «неверными».

Много лет спустя, просматривая новости в Интернете, я случайно узнал, что за большие заслуги перед талибами Мулла Маланг был назначен губернатором в провинцию Газни, где в полной мере раскрыл свои «способности». Но, как говорится: «Сколько веревочке не виться…» То, чего не смогли сделать в свое время «шурави», за них доделали американские командос. Осенью 2002 года при проведении зачистки в Кандагаре Маланг был захвачен в плен. Его и несколько его вооруженных сподвижников задержали в одной из мечетей. При задержании духи оказали яростное сопротивление и были уничтожены. Раненого Муллу Маланга немного подлечили и отправили на военную базу Гуантанамо, что находится на Кубе, где он, возможно, проведет остаток своей жизни. Остается только надеяться на то, что так оно и будет…

Договорные банды

В середине 1985 года с моджахедами стали происходить странные метаморфозы. Поняв, что от видимого активного сопротивления особой экономической выгоды нет, и идя навстречу пожеланиям официальных властей, объявивших о проведении политики национального примирения, они пачками стали переходить на сторону государственной власти. В обиходе появился термин «договорные банды». В этом была определенная логика. Территории, контролируемые договорной бандой, более не обстреливались советскими и афганскими войсками.

Это было одним из основных условий при подписании договора о примирении.

Наиболее влиятельные полевые командиры назначались на различные руководящие посты в органы госвласти, а их подчиненные получали стабильную работу, которая ничем порой не отличалась от той, чем они занимались в банде. Грабежами и поборами они теперь промышляли вполне официально, находясь на всевозможных КПП и блокпостах, которые сами же устанавливали там, где хотели.

В 1985 году в Кандагарской провинции на сторону госвласти перешла крупная банда, насчитывающая более двух тысяч человек. Руководил этой бандой полевой командир Муслим Исмат. Длительное время банда безнаказанно грабила практически всех, кто передвигался по дороге ведущей из Кандагара в пакистанский город Кветту.

По данному поводу во всех советских газетах прошли рекламные публикации, а журнал «Огонек» на обложке одного из своих изданий даже опубликовал цветную фотографию Муслима Исмата.

Поскольку банда перешла под покровительство МГБ Афганистана, Исмату через пару месяцев присвоили генеральское звание.

«Исматовцы», одетые во всё черное, опоясанные пулеметными лентами, с гранатометами наперевес мотались на своих лихих «Семургах» и «Тойотах» по дорогам Кандагарской провинции, наводя ужас на соплеменников.

Стычки с подразделениями госвласти происходили у них едва ли не каждый день, но связываться с договорной бандой никто не хотел, потому как ничего хорошего ждать от этого не приходилось. Эдакие «афганские махновцы»…

Однажды на КПП, находящемся на восточном въезде в город, в каких-то трёхстах метров от Компайна, дежурная группа

афганских военнослужащих остановила машину с «исматовцами» и предприняла попытку проверить их документы.

Слово за слово, завязалась перебранка, плавно перешедшая в перестрелку. В ходе скоротечного боя погиб солдат и двое бойцов-«исматовцев». Несколько человек с обеих сторон получили ранения. Старший «исматовцев» по рации связался со своим штабом и доложил о случившемся. Не прошло и пяти минут, как КПП окружило до ста участников банды. Они предложили военнослужащим сложить оружие, в противном случае грозили перебить всех на месте.

Военнослужащие тоже пытались вызвать подмогу, но им на выручку никто не пришел. Оказавшись в безвыходном положении, они были вынуждены подчиниться. «Исматовцы» их тут же связали и, погрузив, как тюки, на машины, повезли в свой штаб, который располагался буквально в двухстах метрах от штаба второго армейского корпуса Афганистана.

Дальнейшая «разборка» происходила уже под руководством самого генерала Исмата. Он лично допросил каждого пленного, после чего дал команду вывести всех во двор и расстрелять.

Больше всех не повезло единственному офицеру, который оказался среди военнослужащих. Узнав, что он из местных, Исмат распорядился доставить в штаб всех членов его семьи. Привезли человек десять. Среди них — жену офицера с четырьмя детьми, его родителей и нескольких ближайших родственников. Всех их поставили на колени, после чего они стали свидетелями публичной казни.

Исмат лично перерезал горло несчастному.

Бросив нож на землю, он, не спеша, направился в свои апартаменты, махнув по дороге рукой.

Один из «исматовцев», подобрав с земли нож, за считанные минуты зарезал всех родственников офицера, не пожалев при этом даже его годовалого сынишку.

Кровная месть в Афгане предполагает уничтожение всего рода обидчика…

Издержки гражданской войны или игра в шпионов

В отличие от остальных афганцев, Джилани и Абдулла продолжали поддерживать родственные отношения, не испытывая чувства ненависти друг к другу. Хадовцы[6] и их советники неоднократно информировали меня о родственных связях Джилани и Абдуллы, упорно настаивая на замене водителя советника спецотдела на более надежного сотрудника. Но всякий раз я просил не вмешиваться во внутренние дела моего ведомства, и все оставалось по-старому.

С Абдулой я искал встречи практически с первых дней пребывания в Кандагаре. Дело было не в том, что мной обуревало какое то любопытство экзотического характера, заключающееся в стремлении познакомиться с одним из полевых командиров, противостоящим правительственным войскам и военнослужащим 40-й Армии. Пытаясь понять психологию человека, стоявшего в свое время у истоков Апрельской (Саурской) революции и перешедшего в стан ярых её противников, я был готов на всё, вплоть до личного и неофициального контакта с Абдуллой.

Такие контакты руководством Представительства МВД в Кабуле не только не приветствовались, но и категорически запрещались по соображениям необеспеченности личной безопасности советников. Да и кто эту безопасность мог гарантировать, если такие встречи происходили тет-а-тет, на ничейной стороне, точнее, на стороне, не контролируемой ни государственной властью, ни советскими войсками…

Вместе с тем, советники силовых ведомств, «натаскивая» своих афганских коллег методам агентурной работы, зачастую вынуждены были самостоятельно проводить эту работу. Поскольку методы вербовочной работы советников, значительно отличались от аналогичных приемов «подсоветной» стороны, я имел намного больше козырей для ведения переговоров с потенциальными агентами.

Офицеры афганских разведывательных подразделений, при вербовке своей агентуры старались выбирать щадящие режимы их дальнейшей работы в бандах. Роль агентов в основном сводилась к пассивному сбору различной информации, включая сведения о численности, дислокации бандформирований, племенной принадлежности, боевой и партийной ориентации.

Это обуславливалось рядом факторов, которые нельзя было сбрасывать со счетов. В первую очередь, агенты являлись

представителями именно той части населения, против которого госвласть вела ожесточенную борьбу. Сложившиеся на протяжении веков родоплеменные отношения, а также существующие религиозные догмы, зачастую вносили серьезную корректировку в агентурную работу. Так от агента, являющегося представителем многочисленного пуштунского племени «Ачикзаи», оперативный работник ни за какие деньги и посулы не мог получить достойного «компромата» на соплеменников. Но если речь заходила о представителях племени «Нурзаи», — можно было смело брать ручку, и настраиваться на очень длительную, доверительную беседу.

Такое поведение афганцев обуславливалось многовековой враждой, существовавшей между этими двумя пуштунскими племенами. Практически все бандформирования кроме партийной ориентации, имели ориентацию родоплеменную. В банде, руководимой «очикзаем», можно было увидеть кого угодно, но только не «нурзая».

Оперативные работники афганских спецслужб, зная об этих племенных заморочках, успешно использовали их при проведении оперативных комбинаций, направленных на разложение партизанского движения изнутри. Вместе с тем, в операциях типа «Экс» их агентура если и участвовала, то крайне редко. Это обуславливалось тем, что среди агентов могли оказаться двурушники (что зачастую и было), которые за хорошие деньги и с большим удовольствием «сливали» информацию о коварных замыслах госвласти против собственного народа. За такую ценную, с определенной точки зрения, информацию, журналисты американских и пакистанских СМИ выкладывали огромные деньги.

Успешно используя азиатские методы ведения разведки в тылу у противника в сочетании с джентельменским набором современных «Джеймсов Бондов», советники осуществляли очень сложные, многоходовые оперативные комбинации, стравливая главарей банд друг с другом и доводя их до полного исступления, после чего те, позабыв о «шурави», начинали «мочить» друг друга. Как говорится, в борьбе с противником все методы хороши, если при этом достигается положительный результат…

Не стоит вдаваться в подробности данных методов. Многие наработки и сейчас являются тайной за семью печатями и успешно применяются российскими спецслужбами в борьбе с чеченскими боевиками.

Встреча с Абдуллой

Как-то раз в разгар лета 1987 года, проезжая по Кандагару, Джилани предложил мне заскочить к нему домой. Поразмышляв о возможных последствиях такого визита лично для себя, я все же согласился. Шестое чувство подсказывало мне, что Джилани не мог меня предать и вот так просто сдать сэра мошавера моджахедам.

Волею судьбы я неоднократно нарушал существовавшие в ту пору казенные инструкции, посещая дома не только «подсоветных», но и членов бандгрупп и их командиров.

При проведении операций в Кандагаре и его пригородной зоне посещение жилья «духов» было зачастую просто необходимо для советников МВД. Имелся реальный шанс захвата «тёпленькими» главарей местных бандформирований в их собственных домах.

Так было осенью 1986 года, когда в Кандагаре проводилась широкомасштабная войсковая операция. В одном из жилых домов, расположенном на южной окраине Дехходжи[7], в женской половине, в небольшой нише, вход которой был замаскирован висящим на стене зеркалом, был обнаружен и задержан руководитель одного из фронтов Исламской партии Афганистана. Впоследствии он был осужден на 25 лет тюрьмы, но через несколько месяцев освобожден, а по сути — обменян на двух высокопоставленных советских офицеров, специально захваченных в плен моджахедами…

Визуальные контакты с бандитами происходили почти ежедневно, поскольку, вооруженные до зубов, они свободно разгуливали по Кандагару даже средь бела дня.

Иногда они набирались наглости и подходили к советникам, предлагая провести «уик-энд» в каком-нибудь из ближайших кишлаков. Заманчивые предложения «духов» советники, сжимая в руках гранаты, «вежливо» отвергали…

То, что предстало передо мной, трудно было назвать домом. Это было практически развалившееся саманное строение, обнесенное вокруг глинобитной стеной, которая образовала небольшой пыльный дворик с кяризом[8] в центральной его части. В глубине дворика виднелся небольшой навес с деревянными нарами, сделанными из корявых досок, на которых лежало нечто, напоминающее шерстяное одеяло или толстую кошму.

Посреди двора, рядом с кяризом, в пыли играли трое детей. Завидев постороннего, они убежали под навес, продолжая оттуда наблюдать за пришельцем.

Джилани громко позвал кого-то, и из дома вышла худенькая женщина. Лица её было не разглядеть, так как голову она укутала в большой пестрый платок. Руки были темными, как у мулатки, а пальцы покрыты морщинами и трещинами. Джилани обменялся с ней несколькими фразами, после чего та ушла в дом, не закрыв за собой двери. По тому, как Джилани общался с ней, я понял: это его жена.

Через минуту в дверном проеме показался силуэт мужчины. Как и Джилани, он был одет в национальный костюм. Лицо покрывала обильная растительность. Черные смолистые волосы спускались до самых плеч. Живые карие глаза поблескивали из-под густых, сросшихся бровей. В правой руке мужчина держал сучковатую палку, на которую он опирался всем телом. Было видно, что стоять на одной ноге ему крайне неудобно, поскольку вторую, перебинтованную грязной тряпкой, он держал в полусогнутом состоянии.

Джилани подбежал к незнакомцу и обнялся с ним так, как будто не виделся с ним несколько лет. У афганцев, правда, такое приветствие — обычное дело, равносильное легкомысленному русскому «привету».

— Сэр мошавер, познакомься! Это мой брат, Абдулла. Воевать он не может из-за ранения и поэтому уже неделю живет у меня…

Абдула широко улыбнулся, показав свои ослепительно-белые зубы, и протянул вперед левую руку.

Не дожидаясь, пока хромой Абдулла доковыляет до меня, я сделал несколько шагов навстречу. Мы исполнили полный обряд приветствия с касанием щек и неизменными «четурасти» — «хубасти», что в переводе дословно означает: «Как дела?» — «Всё хорошо!»

Внимательно глядя мне в глаза, Абдулла спросил что-то у Джилани, который, в свою очередь, быстро заходил кругами и, яростно жестикулируя, стал тараторить в лицо брату гортанные фразы. Из всего сказанного я понял, что Джелани даёт характеристику «сэру мошаверу». Абдулла всем видом сделал подобие извиняющегося жеста и потихоньку отошел к навесу. Там он сел на топчан, вытянув вперед раненую ногу. Мы с Джилани присели рядом. Какое то время все трое молчали. Первым нарушил тишину Джилани. Он повернулся в сторону дома и выкрикнул пару фраз, после чего многозначительно сказал:

— Сейчас будем пить чай…

Абдулла о чем-то заговорил с Джилани. На этот раз они общались на пушту, и я оказался в полном неведении.

— Пушту но фамеди, — в шутку произнес я: «по пушту не понимаю».

Абдулла ощерился в широкой улыбке, вновь показав белоснежные зубы:

— А по-русски можно говорить?..

Услышав такое от Абдуллы, я едва не свалился с топчана. Прекрасно зная, что многие афганцы довольно сносно разговаривают по-русски, к такому обороту дела я все же был не готов. И Абдулла, и Джилани, глядя на меня, искренне рассмеялись. Видимо, выражение лица шурави в этот момент было настолько дурацким, что, кроме смеха, вызвать ничего не могло. Под общий гогот я тоже расхохотался.

Пока мы втроем так веселились, из дома появилась жена Джилани. В одной руке она несла закопченный чайник, а в другой держала стопку из трех пиал. Поставив на топчан чайник с пиалами, опять убежала в дом, но через какое-то мгновение снова вернулась. На этот раз принесла пару лепешек, поверх которых красиво уложила зелень и несколько жареных «маринок».[9] Отдельно, в пластмассовой чашке, лежали очищенные косточки инжира.

Расставив яства на топчане, женщина быстро ушла в дом.

Дети, прятавшиеся до этого под навесом, немного осмелели. Самая младшая, девчушка лет трех, прижавшись к ногам Джилани, не моргая, рассматривала живого «шурави».

Но стоило мне на неё посмотреть, как она тут же спряталась за спину отца. Мальчик был чуть постарше. Грязный от пыли и пота, он был практически голым. Драные трусики едва прикрывали его худющее тельце. Внешним видом он напоминал скорее узника фашистского концлагеря. Большие черные глаза были едва ли не единственным украшением его наголо остриженной головы. Засунув немытый палец в нос, и выпятив вперед рахитичный живот, он всем своим видом давал понять, что ему все «парванис».[10] Я сделал движение в его сторону, жестами пригласил подойти поближе. Но он, сорвавшись с места, мигом убежал в дом. Старшая девочка, лет восьми, присев на корточки, спряталась за топчаном. Виднелась только макушка её головы с нечесаными, запыленными волосами.

С первых дней своего пребывания в Афганистане я взял в привычку носить в нагрудном кармане своего френча не только шприц-тюбик с промедолом, но и несколько карамельных конфет. Пить чай в Афганистане приходилось по несколько раз на день, и поэтому «конфетный НЗ» всегда был кстати. Машинально сунув руку в карман, я извлек все конфеты. Их было ровно три штуки. Дети и в Афгане остаются детьми. Увидев конфеты, младшая девочка схватила сразу все три и бросилась в дом. Её старшая сестра, сверкая грязными пятками, помчались за ней. В доме

послышалась возня, детские крики.

«Неужели дерутся?» — подумал я.

Точно! Раздался плач, и младшая девочка вышла из дома, закрывая ручонками лицо. Буквально в следующее мгновение в дверном проеме появилась жена Джилани, которая затащила дочурку в полумрак хаты. Джилани, глядя на все происходящее, только улыбался.

Через пару минут все трое детей, как ни в чем не бывало, гуськом вышли из дома. На этот раз младшая девочка сама подошла ко мне и, протянув гладкую ладошку, быстро затараторила. Бакшишей (подарков) у меня больше не было, и я выразительно похлопал рукой по карману: «Нист» — ничего нету, мол.

После этих слов девочка прижалась к отцу, а остальные дети, потеряв ко мне всякий интерес, продолжили поодаль играться в пыли.

Джилани разлил чай по пиалам, жестом пригласил меня и Абдуллу к импровизированному обеденному столу. Зеленый чай как нельзя кстати пришелся в жаркий день и, смакуя, я пил его мелкими глотками.

Серьезную беседу первым продолжил Абдулла. Вообще, собираясь за чаепитием, афганцы любят посудачить о высоких материях и, уж тем более, о политике в любых её проявлениях. Абдулла в этом плане не был оригинальным разговор повел о складывающейся военно-политической обстановке в стране, о том, что будет с Афганистаном в необозримом будущем, после того, как закончится вторжение «шурави».

— В моем отряде говорят всякое. Одни настаивают на продолжении войны до победного конца, с уничтожением «шурави» и их прихлебателей из числа «малишей»[11] и местных чиновников, засевших в кабинетах казенных домов.

Другие готовы хоть сейчас разойтись по домам. Но бойцы не уверены, что их не перебьют поодиночке после того, как они выпустят из своих рук оружие. Мои «нафары» часто спорят друг с другом, и порой эти споры заканчиваются дракой. Сдерживать их становится все труднее…

Глотнув очередную порцию чая, я ответил Абдулле вопросом:

— А что ты сам думаешь по поводу того, о чем говоришь?

Абдулла, сделал вид, что не расслышал сказанного, задумчиво смотрел куда-то в сторону.

— Знаешь, мошавер,[12] я ведь тоже когда-то был членом НДПА.[13] Правда, было это так давно, что я начинаю уже забывать обо всем, что связывало меня с партией и Саурской революцией. Порой даже кажется, что все это было не со мной. До

революции я служил в королевской гвардии Захир-Шаха, а потом у Дауда. Успел дослужиться до чина сержанта. Был молод и горяч. Многое в той жизни мне не нравилось, и, как большинство моих сослуживцев, я ратовал за прогрессивное развитие страны. Именно поэтому вступил в ряды НДПА. Правда, уже тогда было непонятно, почему офицеры, вступающие в партию, создавали свою коалицию — «парчам» (знамя) и называли себя «парчамистами», а мы, простые солдаты и сержанты, не могли быть рядом с ними. Мы были чем-то вроде второго сорта, но численно нас всё же было больше. Может быть, поэтому появилось второе крыло нашей партии — «хальк» (народ), а всех нас попросту стали называть «халькистами»…

Абдулла отпил чаю, собираясь с мыслями. По его смуглому лицу заходили желваки, которые было видно даже под бородой.

— После революции все ключевые позиции в Кабуле прибрали к рукам «парчамисты», несмотря на то, что во главе партии был «халькист» Тараки. Как не парадоксально, но от «халькистов» уже в тот период избавлялись всеми правдами и неправдами, отсылая их для выполнения партийных заданий подальше от Кабула. Эта участь не обошла и меня. Я вернулся в свой родной Кандагар, чтобы возглавить партийную ячейку в Аргандабе.[14] А спустя год Тараки был убит, и его место занял заместитель — Амин. Хотя он тоже был «халькистом», методы его руководства страной лично мне сразу же не понравились. Реформы, которые он проводил, попахивали геноцидом против собственного народа. Как-то раз, я имел неосторожность при посторонних засомневаться в целесообразности «генеральной линии» товарища Амина и, наверно, поэтому мгновенно слетел с занимаемой должности. Из партии, меня не исключили, но относиться ко мне стали с нескрываемым подозрением…

Амин принес много горя своему народу, но, слава Аллаху, он продержался в своем кресле недолго и, неизвестно откуда взявшийся «парчамист» Бабрак Кармаль вновь устроил кровавую баню — теперь уже всем «халькистам». Особенно зверствовали хадовцы, на сто процентов состоявшие из «парчамистов». Только в провинции Кандагар за одну ночь было арестовано больше тысячи «халькистов». Всех их засадили в кандагарскую тюрьму. Волей случая мне удалось избежать ареста, так как за день до репрессий я уехал со своей больной дочерью к родителям жены в отдаленный кишлак. Хадовцы, пришедшие меня арестовывать, перевернули всё в доме вверх дном, избили жену, но она так и не призналась мучителям, где я нахожусь. Уходя из дома, один из хадовцев вытащил из люльки моего трехмесячного сына и, взяв за ноги, ударил его о стену. Ребенок сразу же умер…

Абдулла замолчал. Слез на его лице не было видно, но глаза предательски заблестели. После недолгой паузы он продолжал твердым голосом:

— Бабрак Кармаль дал секретное распоряжение хадовцам о принятии самых суровых мер к врагам революции. По его понятиям к ним приравнивались и «халькисты», сидевшие в тюрьмах по всему Афганистану. Бабрак не мог простить Амину, что, придя к власти, он жестоко расправился с его друзьями «парчамистами», сняв их со всех руководящих постов и уничтожих физически.

Он, как и Амин, решил одним махом избавиться от возможной оппозиции, уничтожив как можно больше «халькистов». Пока советские войска занимали позиции в Кабуле, Герате и Кундузе, в остальных провинциях шла другая бойня. «Халькисты», сидящие в кандагарской тюрьме, были казнены за каких-то три дня. Кого застрелили прямо в камерах, многих партиями по 10–15 человек расстреливали в тюремном дворе. Тела казненных отдавали родственникам для дальнейшего захоронения, но только после того, как те оплачивали все расходы, понесенные администрацией тюрьмы на содержание каждого заключенного. О каком-либо суде говорить не приходилось. Ликвидировали по спискам революционного трибунала, а сами списки потом просто уничтожали…

У меня в отряде какое-то время был бывший вертолетчик, который в ту пору служил пилотом на «Майдане».[15] Он был «парчамистом» и, наверно поэтому, хадовцы полностью ему доверяли. От него я узнал, что в те страшные дни, по указанию хадовцев, он часто вылетал в горы под Кандагаром.

Вертолет загружался заключенными прямо во дворе тюрьмы. Сказать, что это люди, было уже нельзя, поскольку после многочасовых пыток многие из них не могли самостоятельно передвигаться (из-за переломанных рук и ног). Вертолет поднимался на небольшую высоту и улетал в сторону хребта, что был за рекой Аргандаб. Там заключенных выталкивали из вертолета, и они разбивались о скалы. Шакалы со всей кандагарской округи долго еще пировали в том месте. А вертолетчик потом немного тронулся рассудком, но это не помешало ему стать хорошим моджахедом…

Абдулла сосредоточился на чаепитии. Джилани тоже молчал. Что он мог сказать, когда исправно служил той самой госвласти, против которой упорно воевал его брат Абдулла?..

— Скажи, Абдулла, а как ты попал… — я чуть было не произнес «в банду», но осекся. — Как ты попал в «зеленку» и стал командиром отряда?

Абдулла криво усмехнулся.

— А что ты, мошавер, подразумеваешь под словом «зеленка»? Для вас шурави «зеленка» это весь Афганистан, потому что вы не можете разобрать, где враги, а где простые крестьяне с их семьями, женами и детьми, которые к этой войне не имеют ни малейшего отношения. В чем они провинились перед Аллахом и перед теми, кто начал эту братоубийственную войну?..

Абдулла сказал это с таким выражением лица, что мне стало не по себе.

— Вот ты интересуешься, как я стал командиром группы… А как бы ты поступил, если бы оказался на моем месте? Я не хотел войны и тем более, не хотел воевать против собратьев. Но после того, что произошло в моем доме, я вынужден был скрываться у знакомых. Мне даже удалось вывести из города жену. На неё было страшно смотреть. После пережитого она замкнулась в себе и все время молчала. По ночам, украдкой от меня, она плакала. А несколько месяцев спустя, в канун очередной годовщины Саурской революции, она погибла. Погибла вместе со старшей моей дочерью…

Госвласть, засевшая в Кандагаре, понаставила вокруг города мины, чтобы никто из кишлаков не мог пройти в город незамеченным. Только в четырех местах мин не было. Там установили шлагбаумы и за деньги стали пропускать в город. Пускали только женщин и маленьких детей. Зима в ту пору выдалась холодной и голодной, поэтому даже наступивший Навруз[16] был не в радость. Узнав от родственников, что в городе будут бесплатно раздавать муку и крупу, жена решила сходить, попытать счастья. Я как мог отговаривал её, отлично понимая, что вряд ли ей что-нибудь перепадет. Настырная, она всё таки настояла на своем. Посчитав, что на двоих дадут больше продуктов, она взяла с собой нашу единственную дочь. У жены не было ни денег, ни документов, её могли задержать у первого же контрольно-пропускного пункта. Зная об этом, она пошла через Чавнай…[17] Глупая женщина! На что она надеялась! Находясь вне закона, она никому не была нужна. Тем более чиновникам госвласти!.. Проходя через заброшенный сад, она попала на минное поле. Взрывом ей оторвало по колено правую ногу. Дочь, шедшая с ней рядом, от осколков разорвавшейся мины почти сразу погибла. А истекающая кровью жена почти два часа кричала и звала на помощь. Я узнал об этом от одного старика, который жил рядом с садом. Он слышал её крики, но ничем не мог ей помочь, так как навечно остался бы лежать рядом с ней…

Умерла она в муках. О подробностях смерти жены и дочери я узнал лишь несколько дней спустя. В ту страшную ночь и утром

следующего дня еще несколько человек расстались с жизнью на минных полях под Кандагаром. Их разлагающиеся, объеденные шакалами трупы после праздника свезли во двор ХАДа и там выдавали родственникам. За погибших мужчин с родных брали по три тысячи афгани. По тем временам деньги немалые. Трупы женщин и детей отдавали бесплатно…

Мне появляться в городе было нельзя, поэтому я уговорил женщин, живущих по соседству, забрать трупы жены и ребенка. Вместе с женой и дочерью на кладбище в Нагахане[18] я похоронил все свои надежды на будущее. На их могиле я дал себе клятву, что до конца жизни буду бороться с несправедливостью, которая пришла на родную землю, и с той властью, что принесла столько горя моей семье…

К «шурави» я первоначально относился с безразличием, воспринимая их, тем не менее, как оккупантов. Но спустя несколько месяцев мнение о них сильно изменилось. Местные чиновники в погоне за стопроцентным охватом кишлаков госвластью предпринимали попытки создания в них своих структур. В свою очередь, местные жители, сытые по горло обещаниями и посулами, всячески бойкотировали их революционные решения. Старый уклад жизни афганцев никак не вязался с происходящими в стране реформами. Новая власть не могла сломить оказываемого ей сопротивления. И вот на этом этапе противостояния старого и нового в афганскую междоусобицу были втянуты шурави.

Мирное противостояние не могло продолжаться долго, и оно закончилось с первым убитым советским солдатом. И тогда началось такое! На дома, из которых по шурави велась стрельба, самолеты сбрасывали бомбы. Танки расстреливали в упор жилые кварталы в центре Кандагара! Гибли ни в чем не повинные мирные жители! Многие из них, спасаясь от верной смерти, бежали в Пакистан. А от цветущего, вечно зеленого Кандагара остались фактически руины.

Мне некуда было бежать, но и оставаться безучастным ко всему происходящему я тоже не мог. Так я вступил в ДИРА[19] и влился в состав одной из её боевых групп. Группа базировалась в Когаке. Это был старинный, родовой кишлак в центре которого стояла большая мечеть с голубым куполом. Впоследствии, мы были вынуждены сменить место дислокации, поскольку мечеть могла стать хорошей мишенью для советских самолетов, и Джирга приняла решение не допустить её осквернения.

Три года назад командир группы Мулла Аким и два его инзибода[20] при попытке просочиться в уезд Панджвайи недалеко от элеватора попали в засаду и погибли. Трупы остались

лежать на месте гибели, поэтому младший брат Акима, Мирза, решил забрать их с наступлением темноты. Но он недооценил коварства шурави, за что поплатился собственной жизнью. Труп Акима оказался заминированным, и как только Мирза тронул его, раздался сильный взрыв. То, что осталось от Акима и Мирзы, хоронить уже не было никакого смысла, и мы решили больше не испытывать судьбу…

В отряде я был единственным, кто еще до революции закончил лицей. Ко всему прочему, в прошлом я — военный человек. Наверное, поэтому после гибели Акима, старейшины единогласно избрали меня командиром группы. Сначала в группе было 18 бойцов, но уже через пару лет её численность составляла свыше ста человек.

Воевать становилось все сложнее, поскольку оставаться незамеченной большая группа вооруженных моджахедов уже не могла. Может, из-за этого начались частые провалы. Гибли подчиненные мне люди, а оставшиеся в живых ставили их смерть мне в вину. В боевом отряде произошел раскол, после чего он распался на две самостоятельные группы, которые начали действовать независимо друг от друга. Со мной осталось человек тридцать, в основном из тех, с кем я прошел войну с первых дней пребывания в отряде. Но и они постоянно бузят, поскольку не видят для себя и своих семей никаких перспектив от этой войны…

— А не проще ли бросить воевать и заняться делом, которым занимались ваши предки? — я вопросительно посмотрел на Абдуллу.

— Э-э-э, мошавер, что ты знаешь о том, чем занимались мои предки! И вообще, что ты знаешь о нашей стране, её истории, обычаях, нравах афганцев?..

Я невольно задумался над сказанным. Перед отъездом из Союза я прошел специальную подготовку в Ташкенте, в учебном центре при Высшей школе МВД, и в принципе знал все исторические вехи развития Афганистана. Чтобы лучше понимать обычаи мусульман, самостоятельно изучил их священную книгу — Коран. Именно знание сур Корана здорово помогало мне в общении с коренным населением. Афганцев, особенно стариков, забавляло то обстоятельство, что сэр мошавер из России знает много легенд о Ходже Насреддине и с интересом рассказывает их.

Но я ничего не ответил Абдулле. При необходимости за меня это мог сделать Джилани.

— Шурави были в Кандагаре еще до Саурской революции, — подчеркнул Абдулла. — Они, как и американцы, и немцы строили здесь дороги, фабрики, аэропорт. Туннель. Король Захир-Шах

принял ряд законов, согласно которым иностранцы, в том числе и шурави, были личностями неприкосновенными. От них шарахались как черт от ладана всё кандагарские жулики. Если, к примеру, какой-нибудь советский загулял и уснул на улице, к нему боялись даже подходить, а если и подходили, то старались доставить в целости и сохранности к месту жительства. А ведь Кандагар в ту пору не мог похвастаться отсутствием преступности. На улице, средь бела дня, к любому прохожему мог подойти такой же афганец и «пока по-доброму» попросить пайсу (деньги) или чарс (наркотик). Если ни того, ни другого у прохожего не оказывалось, обидчик мог запросто отрезать ему ухо со словами: «Помни! Чарс и пайсу надо всегда иметь при себе»…

А вообще-то Афганистан имеет неповторимые особенности исторического развития. Только в Кандагарской, Джелалабадской, Гератской и ряде других долин имеются сносные условия для самостоятельного выживания, поскольку там есть и вода, и плодородные земли, на которых можно выращивать фрукты и овощи. В целом же по стране, кроме безжизненных скал и песка, ничего больше нет. С древних времен коренные жители Афганистана, в первую очередь пуштунские племена, жили за счет грабежей и набегов на богатые караваны, шедшие из Индии и Китая в Европу по Великому шелковому пути.

Заслушавшись рассказом Абдуллы, я мысленно перенесся на Кавказ, отметив, что горцы с Кавказского хребта веками занимались тем же промыслом.

— Ребенка в Афганистане с рождения обучали боевому искусству, продолжал Абдулла, — а уж потом остальным житейским премудростям. Лук со стрелами, а затем и ружьё, было предметом гордости любой семьи и передавалось от деда внуку, как семейная реликвия. Оружие было мерилом достатка в семье. Богатые афганцы — из тех, кто даже никогда не воевал, считали за честь иметь у себя дома хорошее ружьё. Ваш Брежнев, направляя войска в нашу страну, забыл, видимо, что произошло с Александром Македонским, а позже, в Майванде, с англичанами, которые тоже хотели завоевать Афганистан…

Понимая искренность всего высказанного Абдуллой, я, тем не менее, не проявлял к рассказу ни сочувствия, ни сострадания. Ведь к тому, что происходило сейчас в стране, я имел самое непосредственное отношение. Этот разговор с Абдуллой впоследствии будет использован мной при анализе разведывательной информации, собранной из других источников. Конечным продуктом такого анализа станут банальные БШУ и артобстрелы позиций «духов». Кто знает, возможно, советская

авиация и артиллерия, «работавшая» накануне по координатам, представленным мной на ЦБУ 70-й бригады, угробила и людей Абдуллы. Как и во всякой войне противник остается противником до тех пор, пока стоит по другую сторону баррикад и воюет против тебя и твоих друзей. Жалость к противнику, который жесток и коварен, на войне неуместна…

Однако чаепитие несколько затянулось. Пора было возвращаться в «Компайн». Сопровождение советских военных автоколонн давно уже снялось и убыло к месту своей дислокации на Пули Тарнак. Полными хозяевами города остались «духи». Сославшись на какую-то причину, я намекнул Джилани, что пора уже ехать.

Смышленый Джилани буквально за пару минут подвел черту разговорам и, извинившись перед братом, сказал, что ему тоже надо быть в Царандое, чтобы заправить машину бензином.

Прощание с Абдуллой у меня получилось более бурным, чем встреча. Расставались если не как родственники, то уж как давние знакомые — это точно. Договорились встретиться еще раз в ближайшее время. Джилани благополучно доставил меня в «Компайн», а Абдулла остался в доме своего брата. Случайная встреча с Абдуллой, тем не менее, не прошла бесследно. Всеми фибрами души опера, я чувствовал, что Абдулла и его люди уже в скором времени могут пригодиться для реализации задач, которые были поставлены вышестоящим руководством.

Предательство

Буквально через месяц произошло событие, которое послужило катализатором «раскрутки» моих взаимоотношений с Абдуллой до такой степени, что потом я не раз помяну Джилани добрым словом. А произошло вот что.

Работал в спецотделе скромный, неприметный мужичок лет тридцати по имени Джумахан. Должность у него была, можно сказать, «никакая». «Нафар», одним словом. В его обязанности входило выполнение простых поручений разогрев чая начальнику отдела, походы на базар за лепешками, и прочей снедью, когда в этом была необходимость, уборка помещений и всё такое. Самая значимая его работа заключалась в сопровождении начальника спецотдела во время его перемещений по городу. Несколько раз бывал Джумахан и в «Компайне» — в ту пору, когда его посещал начальник спецотдела.

Как-то раз, проезжая по Кандагару, я случайно увидел как Джумахан, озираясь по сторонам, разговаривает с каким-то стопроцентным «духом». На следующий день я рассказал об увиденном начальнику спецотдела Аманулле.

— Да мало ли с кем он мог говорить в городе! Там каждый второй ходит с бородой!.. — По всему было видно, что Аманулла не воспринял всерьёз того, о чем сказал ему сэр мошавер.

Позже, через МГБэшных советников я выяснил, что родной брат Джумахана верховодит одной из банд, промышлявших недалеко от Кандагара. Как потом выяснилось, Аманулла знал об этом. Но у него на сей счет было свое мнение и холодный расчет.

Через Джумахана он получал определенную информацию о других бандгруппах, которые располагались по соседству с бандой брата. При этом брат Джумахана, зная, что тот работает в спецотделе, сам проявлял инициативу, сдавая ту или иную банду. Кандагарские моджахеды, воюя с «шурави», основные деньги делали все-таки на поставках наркотиков и оружия, а поэтому конкуренты, даже среди собратьев по оружию, им были совершенно ни к чему. Вот такая коммерческая логика войны.

Сначала я подолгу спорил с Аманулой, обвиняя его в политической недальновидности и мягкотелости к Джумахану. Но потом, поняв, что всё в этой стране поставлено с ног на голову, махнул на происходящее рукой. А после встречи с Абдуллой вообще перестал в чем-либо сомневаться. Но вот тут-то, в одну из августовских ночей в спецотделе произошла страшная трагедия.

Примерно в два часа ночи моджахеды подкрались к

глинобитной стене, что огораживала двор спецотдела с тыльной стороны, и двумя выстрелами из гранатомета пробили в ней здоровую брешь. Человек тридцать вооруженных до зубов моджахедов ворвались на территорию спецотдела и устроили там кровавую бойню.

В ту ночь в спецотделе находились пятеро офицеров и столько же солдат. Часть из них несла дежурную службу, остальные заночевали, поскольку поздно закончили работу, а возвращаться домой было опасно. Накануне весь день Джилани находился в гараже провинциального царандоя, где занимался ремонтом своей «тойоты». Закончив уже впотьмах, Джелани направился домой, а по пути зашел в спецотдел, где повстречался с дежурным по отделу, Сардаром. Сардар уговорил Джилани не спешить домой, соблазнив его хорошим пловом, сваренным дежурной сменой.

Моджахеды, сделавшие ставку на внезапность нападения, несомненно добились своего, поскольку в первые же минуты скоротечного боя погибло два офицера и трое рядовых. Спросонья не разобравшись, в чем дело, те выскочили из комнат, где отдыхали, и сразу попали под перекрестный обстрел. Другие сотрудники укрылись в служебных помещениях отдела и организовали круговую оборону.

Среди тех, кто остался в живых, был и Джилани. Табельного оружия он не имел вообще, но, тем не менее, из «Калашникова» стрелял не хуже других. Подобрав автомат, оброненный одним из убитых офицеров, он стал стрелять по нападающим.

Силы были явно неравными. Кроме того, патронов у оборонявшихся хватило всего лишь на несколько минут боя. Но стрельбу в спецотделе услышали сотрудники провинциального царандоя, что располагался в каких-то двухстах метрах, и дежурная группа оперативного батальона поспешила на помощь коллегам. Моджахеды, предвидя такой поворот событий, заблаговременно выставили на прилегающей к спецотделу улице засаду, в которую и попали бойцы опербата…

В общей сложности бой длился около получаса. За это время моджахеды сломили сопротивление сотрудников спецотдела и устроили в нем полнейший погром. Распаленные боем и одурманенные чарсом, моджахеды жаждали большой крови. Они выволакивали тела раненых и убитых сотрудников во двор, и там продолжали над ними измываться. Перерезанные глотки — еще не самое страшное, что на следующий день предстало перед моими глазами.

Отступая, «духи» подожгли все помещения спецотдела и предприняли попытку вскрыть сейф, в котором хранилась

секретная документация и личные досье агентов. Однако этого им так и не удалось сделать, и они выстрелили в сейф из РПГ. Все хранящиеся в нем документы практически мгновенно сгорели.

Джилани отстреливался до тех пор, пока не закончились патроны. Он оставался в заблокированном помещении, зарешеченные окна которого смотрели на улицу, и надежд выйти живым из этой мясорубки практически не было. Почти машинально отбросив автомат в сторону убитого рядом офицера, Джилани стал лихорадочно соображать, что делать дальше.

Яркая вспышка, звон разбившихся стекол и навалившаяся на грудь тяжесть — всё это произошло в одно мгновение! Джилани на какое-то время потерял сознание. Очнувшись, понял, что заживо погребен под обрушенной стеной, которую моджахеды завалили гранатометом. Если бы стена была кирпичной, от Джилани не осталось бы и мокрого места. Но стена была сложена из саманных блоков и, обрушаясь, она накрыла ту часть комнаты, где стояли два стола и несколько стульев. Джилани укрылся как раз за одним из столов, который принял на себя основную тяжесть разрушения. Однако придавленный к земляному полу многими обломками он не мог даже пошевелиться. Дышать было трудно, поскольку при каждом очередном вздохе рёбра всё сильнее сдавливало, словно тисками. Джилани перешел на дыхание животом, отчего стало немного легче. Но буквально в следующую минуту резкая боль снова обожгла всё тело, а блоки, придавившие его, зашевелились. Джилани едва не закричал, но осекся на полувыдохе.

В образовавшемся разломе он увидел силуэт человека с автоматом в руке. Неизвестный прошел внутрь комнаты и остановился у трупа офицера. Последовал одиночный выстрел. Убедившись, что офицер мертв, он подобрал лежащий рядом автомат и направился к пролому в стене.

— Здесь еще один! — крикнул он, обращаясь к сотоварищам на улице.

— Их должно быть ровно десять, — эхом отозвался голос со двора.

Джилани этот голос показался очень знакомым. Он лихорадочно вспоминал, где мог слышать его, но боль в груди не давала ему возможности сосредоточиться.

Кто-то из находившихся во дворе начал вслух считать. Досчитав до девяти, он крикнул тому, что стоял на блоках, под которыми притаился Джилани: «Твой — десятый! Мы их всех кончили. Тащи его сюда!..»

Моджахед, топтавшийся на разбитой стене, вновь спустился в комнату и, взяв убитого за ноги, выволок его во двор. Что

происходило дальше, Джилани не видел, но из разговора между головорезами понял, что часть из них занялась излюбленным занятием, дав волю кривым кинжалам и одурманенному наркотиками воображению. Остальные приступили к поиску возможных трофеев.

Джилани вновь почувствовал, что по нему кто-то прошелся. Очередной моджахед вошел в комнату, начав шарить по свободным углам. «Там ничего нет! Это комната для допросов» — вновь прозвучал со двора знакомый голос. И тут Джилани словно всего прострелило! Он мгновенно забыл про боль. Джумахан! Как он сразу не смог узнать его голоса! Ну, конечно же, Джумахан!

Джилани хоть и не был атеистом, но и к правоверным себя тоже особо не причислял, поскольку к соблюдению религиозных обрядов относился почти равнодушно. Но в этот момент вспомнил об Аллахе и стал молиться о том, чтобы тот сохранил ему жизнь хотя бы для того, чтобы рассказать коллегам, что произошло в эту ночь в спецотделе.

И кто его знает, что спасло Джилани — мольба к Всевышнему, или солдаты из опербата, сломившие, наконец, сопротивление «духов»…

Минут через пятнадцать бандиты стали поспешно покидать двор спецотдела. Из суетных, обрывочных разговоров Джилани понял, что в их числе тоже есть убитые и раненые, которых они теперь должны уносить с собой. Но исчезли моджахеды так же, быстро, как появились, — через пролом в дувале задней части двора. Джилани лежал под стеной очень тихо, не подавая признаков жизни. По опыту он знал, что «духи» могли оставить засаду, и преждевременное появление на свет могло стоить ему жизни.

…Ему показалось — прошла целая вечность, прежде чем он услышал чьи-то голоса. Прислушавшись, понял, что это бойцы опербата. Пытался самостоятельно выбраться из-под завала, но от резкой боли едва не потерял сознание. Тогда стал звать на помощь, и его услышали. Несколько бойцов, не поняв, откуда раздается крик о помощи, прошлись по завалу, под которым лежал Джилани. Не столько от боли, сколько от обиды, что его топчут свои, Джилани яростно выругался. Лишь после этого опербатовцы стали разбирать завал, и через несколько минут каменный «пленник» оказался на свободе. От старшего офицера подразделения Джилани узнал, что по тревоге уже подняты сотрудники царандоя и армейского корпуса, что на помощь постам первого пояса обороны города пошли дополнительные группы, призванные блокировать все выходы.

Но моджахедов в эту ночь так и не задержали. Словно

невидимки, они растворились в лабиринте узких кандагарских улочек.

Джилани слушал все это, находясь в какой-то прострации. Он полностью ещё не осознавал, что волею случая остался жив. Тупо смотрел на дымящуюся среди двора бесформенную груду и не сразу сообразил, что это останки его собратьев по оружию, которые час назад были все живы. Джилани глубоко вдохнул и только теперь удостоверился, что боль в груди так и не прошла. Из ссадины на затылке сочилась кровь, а правая рука в локте вздулась и посинела.

Чуть позже во двор спецотдела набежало множество разных начальников. Появилась дежурная опергруппа со следователем и криминалистом. Последний ходил по двору и фотографировал все подряд. Кто-то из офицеров пытался выяснить у Джилани об обстоятельствах происшедшего, но он, сославшись на то, что находился под завалом и ничего не смог разглядеть, также жалуясь на боль в груди, отказался отвечать на вопросы и попросил о медицинской помощи. По опыту работы в спецотделе Джилани знал, что моджахеды могут иметь своих агентов даже среди высокопоставленных лиц царандоя, не говоря уж о простых сотрудниках. Лишнее слово, сказанное не тому, кому надо, могло стоить очень дорого.

Санитар, осмотрев и ощупав Джилани с головы до ног, подтвердил, что у него имеются переломы нескольких ребер и, судя по всему, еще и контузия. С таким диагнозом Джилани светил «коечный отпуск» на ближайший месяц.

Загрузив уцелевшего очевидца ночной бойни в царандоевский амбуланс «скорую», санитары повезли его в госпиталь.

А на рассвете во дворе спецотдела собралось все руководство провинциального царандоя, ХАДа и провинциального комитета НДПА.

Прибывшему на работу начальнику спецотдела Аманулле командующий царандоя, полковник Мир Акай, поручил срочно выехать в госпиталь и опросить Джилани о всех обстоятельствах случившейся трагедии. Останки служащих спецотдела разобрали, тела уложили в один ряд, после чего судмедэксперт ХАДа приступил к их осмотру. Картина была ужасающей, поэтому Мир Акай отдал распоряжение чем-нибудь накрыть трупы.

Через некоторое время в спецотдел стали подходить остальные сотрудники. Появился и Джумахан. Как ни в чем не бывало, он обошел лежащие на земле изуродованные тела, делая вид, что сильно взволнован случившимся. После этого подошел к группе сотрудников, стоявших у развалин.

— Когда всё это произошло? — спросил он у капитана Ахмади.

— В два часа ночи…

— А ведь я тоже мог погибнуть, если бы остался ночевать на работе. Аллах был благосклонен ко мне. Слава Всевышнему!.. — Джумахан театрально вознес к небу руки и прочел молитву. Видя, что офицеры не горят желанием поддерживать с ним беседу, нехотя отошел в сторону.

— А где Аманулла? — спросил он у Ахмади. — Тут такое дело, а начальника нет на службе. Уж не случилось ли с ним чего?

— Да ничего с ним не случилось. Поехал в госпиталь Джилани навестить…

— А с Джилани что произошло? Заболел, что ли?!

— Ничего не заболел. Пусть молит Аллаха, что выжил этой ужасной ночью… — И Ахмади рассказал о злоключениях Джилани. По мере того как он живописал подробности, что были ему известны о нападении на спецотдел, лицо Джумахана стало сереть. До него дошло, что Джилани — единственный оставшийся в живых свидетель, который мог заметить его среди моджахедов. Джилани стал его смертным приговором! Нужно было срочно уходить!

Видя, что никто не обращает на него внимания, Джумахан выскользнул через пролом на свободу и растворился в тени примыкающих улочек. Минут через тридцать вернулся запыхавшийся Аманулла и стал расспрашивать сотрудников, не видел ли кто из них Джумахана. Узнав от Амануллы о коварстве своего коллеги, все присутствующие во дворе бросились на поиски предателя. Но было поздно! Аманулла взял с собой несколько вооруженных царандоевцев и побежал с ними к дому, в котором жил Джумахан. Там, естественно никого не оказалось. Оставив на всякий случай засаду из троих солдат, проинструктировав их как себя вести в случае появления Джумахана, Аманулла вернулся в спецотдел. С того дня никто Джумахана в городе не видел.

А через неделю от одного из информаторов спецотдела поступило донесение, что Джумахана заметили в банде его брата, которая в ту пору ошивалась в кишлаке Реги. Аманулла и его подчиненные ориентировали всех агентов на розыск Джумахана. Но поскольку банда, в которой он находился, больше суток на одном месте не задерживалась, поиски предателя были делом непростым.

Нежданный гость, но не хуже татарина…

Помощь пришла оттуда, откуда её меньше всего ожидали.

Однажды, во второй половине дня, когда наступало время регулярных обстрелов «Компайна», на виллу советников прибежал по мою душу посыльный из взвода охраны:

— Там Вас спрашивает какой-то хромой бабай на велике…

— А чего ему от меня нужно?

Но солдат ничего внятного объяснить не мог. Не привык, мол, влезать в чужие дела.

Такие бабаи появлялись на КПП постоянно. То седые старики подойдут ищут «самого главного начальника», который смог бы разрешить очистку арыков недалеко от городка и дать гарантию, что артиллеристы и танкисты, стоящие здесь же лагерем, не накроют их всей мощью орудий. То подкатят на мопедах некие темные личности, которые, не открывая своих лиц, начинают требовать встречи с офицерами ГРУ. Стало быть, «ГРУшные» агенты приехали. То, какой ни будь торгаш на разукрашенном грузовике-бурбухайке остановится и начнет товар предлагать. Чаще всего продавали анашу, к которой солдаты «срочники» не были равнодушны…

Несмотря на то, что солдатам и офицерам строго запрещалось входить в контакты с афганцами, никто из них эти указания никогда не соблюдал. Ко мне тоже часто приходили посторонние. Никаких пропусков никто ни от кого не требовал. Стоило любому советнику провести чужого на территорию городка, вся ответственность за возможные и непредсказуемые последствия, автоматически перекладывалась на его плечи. Бывали случаи, когда в гости к советникам приходили их «подсоветные», которые, допоздна засидевшись за «рюмкой чая», так и оставались ночевать у гостеприимных «шурави»…

Подойдя к КПП, я увидел сидящего у обочины дороги Аблуллу. Заметив меня, он ощерился в улыбке и полез со своими объятьями.

— Сэр мошавер, нужно немного говорить, — загадочно произнес он. — Я знаю все про Джумахана…

Такой оборот дела заинтриговал, и я, разрешив Абдулле миновать КПП, пошел с ним на виллу. Велосипед Абдуллы остался на пропускном пункте. Таков был порядок: не допускать на территорию транспортных средств посторонних. Исключением был только ишак, на котором в городок приезжал престарелый афганец, вывозивший различный бытовой мусор, который советники вываливали в дырявые железные бочки.

По законам гостеприимства я предложил Абдулле перекусить. Сначала тот отказывался, но, узнав, что на обед у советников плов из баранины, охотно согласился. Пока Абдулла наворачивал сытное второе, я разогрел на примусе чай и разлил

по чашкам.

То, о чем начал говорить Абдулла, не могло меня не интересовать, ибо разговор пошел о предателе. Поскольку Абдулла путался в русской терминологии при работе с топографической картой, я был вынужден вызвать закрепленного за мной переводчика Олега.

Абдулла рассказал, что о происшествии в спецотделе он узнал буквально на другой день, когда со своими людьми приехал к авторитетному полевому командиру Хаджи Латифу. Туда же прибыл полевой командир Туран Абдульхай. Он и открылся, что предыдущей ночью его люди провели дерзкую операцию в максузе, вырезав всех находящихся там людей.

Хаджи Латиф был распорядителем денег, которые поступали из Пакистана от партийных боссов и богатых кандагарских землевладельцев, чьи плодородные земли в свое время экспроприировала госвласть. Командиры практически всех боевых групп, действовавших в улусвали Даман, постоянно «кормились» у Хаджи Латифа. А он деньгами «просто так» не сорил, поскольку тоже держал ответ перед вышестоящим руководством.

Так вот, Туран Абдульхай — сам в прошлом офицер афганских вооруженных сил — рассказал Абдулле, что успехом проведения операции, явилось случайное обстоятельство.

Один из рядовых сотрудников спецотдела по имени Джумахан давно уже был повязан с моджахедами. Его брат был командиром небольшой группы, которая с «шурави» практически не воевала, а занималась контрабандой наркотиков. «Нафары» этой группы неоднократно залезали на чужие территории, за что получали «по ушам».

Сотрудник спецотдела вдвоем с родным братцем тоже частенько крысятничали, но им это сходило с рук, поскольку через Джумахана шла самая оперативная информация о замыслах командования царандоя. Однажды, накурившись чарза, Джумахан мотался по кишлаку, в котором жил его брат. Забредя в один из домов, он изнасиловал десятилетнего пацаненка, который в ту пору был дома один. Об этом стало известно родителям подростка, после чего они пожаловались лично Турану Абдульхаю. Тот, в свою очередь, дал команду своим бойцам, и они выловили обидчика. «Педику» грозил исламский суд, исход которого мог быть для него неописуем. Но Туран Абдульхай решил пойти на хитрость.

Он пообещал уладить все дела при условии, что провинившийся поможет организовать нападение на спецотдел. Уговаривать долго не пришлось…

В день, на который моджахеды запланировали дерзкую операцию, Джумахан заблаговременно ушел с работы домой. А ночью по узким улочкам Второго района Кандагара вывел «духов» к тыльной стене своего подразделения. Что произошло дальше, уже известно.

— Ты знаешь, что в этом бою чуть не погиб твой брат? — спросил я у Абдуллы.

Тот кивнул.

— Ну, коли так, что же тебя привело ко мне?

— Сэр мошавер, у меня есть возможность отомстить за моего брата. Я знаю, где сейчас укрывается Джумахан. Но его трудно будет схватить, потому что он под охраной головорезов своего брата. У меня к тебе просьба. Сегодня, ближе к вечеру, моджахеды планируют обстрелять армейский корпус реактивными снарядами. Снаряды будут лететь через ваш городок, и артиллеристы наверняка ответят огнем. Попроси их обстрелять восточную окраину кишлака Лой Карезак. А я со своими людьми в это время выкраду Джумахана, и завтра он будет твой…

— А как же вы это сделаете, если сами попадете под обстрел?

— Это уже мое дело. Я знаю в том районе все ходы по кяризам, и мы сможем сделать все как надо.

— Тогда добро! Я сделаю, как ты просишь, — и, демонстративно пожав Абдулле руку, спросил: — Сколько времени осталось до обстрела?

Абдулла мельком взглянул на свои «Сейко» и растопырил три пальца.

— Три часа? — уточнил я.

Абдулла утвердительно кивнул.

— Ты успеешь вовремя добраться до своих людей?

— Мои люди уже у кишлака. А я на велосипеде доеду туда меньше чем за час. Главное чтобы было побольше шума, и тогда мы сможем незаметно украсть Джумахана…

— А что ты скажешь своим «нафарам» по поводу того, что затеял?

— Я им уже сказал, что Джумахан засланный шпион, и мне с ним необходимо разделаться. Этого достаточно. У нас не принято уточнять и переспрашивать у полевого командира о целях выполняемого задания. Надо — значит надо. Это их повседневная работа…

— Ну, идем, я тебя провожу, — я встал из-за стола, давая понять, что разговор окончен.

Мы вышли на улицу, и направились к КПП.

Абдулла шел, слегка прихрамывая.

— Что, нога еще не зажила?

— Уже почти не болит, — ответил Абдулла и попытался идти не хромая. Но, пройдя несколько шагов, опять начал тянуть ногу. Уже подходя к КПП, я взял Абдуллу за локоть:

— Я сделаю всё, как ты просил. Одно имей в виду — снаряд не разбирается, где свои, а где чужие. Береги себя…

На КПП Абдулла не обнаружил своего велосипеда. Стоял в растерянности, озираясь по сторонам. Я вопросительно посмотрел на часового и тот, не дожидаясь «разбора полетов», показал пальцем куда-то в сторону. Командир батареи, молоденький старлей Серега, в одних трусах взгромоздился на велосипед и, усердно крутя педали, катался на нем по подразделению. Я погрозил Сергею кулаком и буквально через минуту тот вернул машину хозяину.

— Сто лет на велике не катался!.. — слезая с велосипеда, признался Серега. Лицо его светилось блаженством.

А через пару минут Абдуллы уже не было у въезда в городок, и я подозвал Серегу к себе: «Надо поговорить».

В комнате, точнее, в блиндаже, выстроенном из пустых снарядных ящиков, наполненных землей, где размещался пункт боевого управления артиллерийской стрельбой, я объяснил Сергею суть просьбы. Тот молча нанес на рабочий планшет координаты цели.

— Сколько пожелаете отослать «огурцов» бабаям? — с усмешкой спросил он.

— А сколько не жалко! Ты постреляй минут десять-пятнадцать из одного орудия. Я думаю, этого им будет достаточно. Только прошу: стрелять начинай после того, как «духи» первыми начнут. А не то всю обедню испортишь…

— И стоит суетиться из-за какого-то десятка снарядов, — по-мальчишески сморщил нос Сергей.

— Надо Федя, надо, — я покровительственно похлопал его по плечу, и пошел на выход.

— Анатолий! — окликнул меня старший лейтенант. — Может, усугубим за успех безнадежного предприятия по пять капель?.. — Сергей выразительно показал на стаканы.

— Не-е! Вашей «кишмишовкой» только тараканов на ЦБУ травить, или использовать её в качестве химоружия против «духов». Лучше уж ты приходи ко мне после обстрела. Угощу тебя мошаверской «Доной».

— Это хорошо, — довольно потер руки Серега. — Обязательно загляну на огонек…

Уж кто-кто, а он знал, что у царандоевских советников был самый лучший в городке самогон. Настоянный на лечебных

травах спирт вылечивал от любой хвори, в том числе, и от афганской экзотической заразы. Пить этот «напиток» богов было одно удовольствие.

…Вечером, перед последним намазом, «духи» действительно обстреляли территорию армейского корпуса, и дальнейшие события развивались по сценарию, придуманному мной и Абдуллой.

Возмездие

Прошло несколько дней. От Абдуллы не поступало никаких вестей. Я уже начал сомневаться в том, что Абдулла, и его люди смогли довести до логического конца запланированную операцию. Но сомневался напрасно. Придя в очередной раз на работу, обратил внимание на какое-то оживление, которое царило в спецотделе. Сначала я не понял и попытался расспросить окружающих. Но в этот момент из своего кабинета вышел Аманулла, который предложил мне пройти на заднюю часть двора.

— Сегодня ночью во двор максуза кто-то забросил бакшиш. Хороший бакшиш! Мошавер будет доволен…

Я не мог сообразить, на что намекает Аманулла, но по выражению его лица понял, что надо ожидать сюрприза. У входа в небольшой сарай, где обычно хранился различный хлам, изымаемый сотрудниками спецотдела у задержанных «духов», на земле лежал джутовый мешок. Нижняя часть мешка была промокшей, и я не сразу сообразил, что это кровь. Аманулла дал команду стоявшему рядом солдату — сарбозу, — тот ловким движением развязал веревку и вытряхнул содержимое. Из мешка выпала окровавленная голова!

Я ожидал увидеть что угодно, но только не это! Действительно, сюрприз. Приглядевшись, понял: — у моих ног лежит голова Джумахана. «Эх, Абдулла, Абдулла, — подумал про себя. — Как был ты душманом-головорезом, так им и останешься до конца дней своих».

Сделав вид, что увиденное не произвело особого впечатления, вслух я заметил:

— Вот и нашел Джума свой конец…

Никакого удовлетворения от того, что месть за содеянное все-таки настигла предателя, я не испытал. Все произошло обыденно, словно так и должно быть.

Через пару недель на работу вышел Джилани. После выписки из госпиталя, и кратковременного отпуска, проведенного у родственников жены в Лошкаревке (Лашкаргах — центр провинции Гильменд), он заметно поправился, а его рыжие усы стали еще пышнее.

Моя встреча с Джилани была более чем бурной. А потом пошли «тары-бары» за житьё-бытьё его самого и брата Абдуллы.

От Джилани я узнал некоторые детали проведенной его братом операции по захвату Джумахана. Оказывается, Абдулле и его людям не удалось захватить Джумахана в тот день, когда это

было спланировано. За час до обстрела тот покинул кишлак. Вместе с братом и его бандой, переместился ближе к Кандагару.

Абдулла несколько дней подряд выслеживал Джумахана, но всё было безрезультатно.

И вот в один из дней дозорные из группы Абдуллы засекли «Семург», на котором разъезжал по «зеленке» брат Джумахана. Автомашина остановилась на окраине небольшого кишлака в каких-то трех километрах от Кандагара. Среди пассажиров «Семурга» заметили и самого Джумахана.

Практически все дома в этом кишлаке были разрушены авиацией и артиллерией «шурави», никто из мирного населения там не жил. Этим обстоятельством пользовались «духи» всей округи. Близость целей, по которым они вели ежедневные обстрелы, естественные фортификационные сооружения, каковыми являлись стены разрушенных домов, глубокие арыки и древняя система кяризов, которые вели прямо в город, — все создавало идеальные условия для ведения беспокоящего огня по противнику. При этом наносимые ответные удары были для «духов» практически безболезненными, поскольку они всегда вовремя успевали выйти из зоны обстрела. Так вот, обнаружив «Семург», Абдулла принял решение уничтожить его вместе с людьми.

Из кишлака выходили несколько дорог, но все были разрушены, и не годились для передвижения автотранспорта. «Семург» мог проехать только по единственной уцелевшей дороге, что пролегала вдоль арыка. Абдулла решил воспользоваться этим обстоятельством.

Ни один из уважающих себя полевых командиров никогда не позволял создавать своим «нафарам» дополнительные трудности. Мобильность группы, не обремененной обузой в виде возимого с собой провианта и боеприпасов, была залогом успеха всех проводимых операций. Все, что нужно было группе для внезапного боя, «нафары» носили на своих плечах. Все остальное хранилось в тщательно замаскированных схронах, расположения которых знал ограниченный круг людей. Кроме провианта и боеприпасов, в схронах зачастую складировались неразорвавшиеся трофейные снаряды и боеголовки ракет. Из таких «подарков», прилетавших от «шурави», «духи» обычно изготавливали фугасы, которые впоследствии использовали против самих же «шурави», или еще кого-либо.

По неписаным законам войны пользоваться чужими схронами было сравни предательству. Оставшись в неподходящее время без боезапаса, на который «духи» рассчитывали, как на последнюю надежду, они были обречены на гибель. Действующие в

провинциях исламские суды не судили крысятников и мародеров, шастающих по схронам, отдавая воришек на откуп полевым командирам. Те, в свою очередь, с какими людьми особенно не церемонились.

Были подобные схроны и у группы Абдуллы. Один их них, находился в разрушенном доме того самого кишлака, где пытался спрятаться Джумахан. В заначке у Абдуллы был неразорвавшийся гаубичный снаряд, давно уже лежащий без дела. Его-то он и решил использовать в данной ситуации. На скорую руку был изготовлен фугас, который подчиненные Абдуллы установили около полуразрушенного дома, что стоял вплотную к дороге. Замаскировав фугас камнями и проведя от него метров на сто в сторону провод полевого телефона, стали ждать.

Примерно через час Абдулла услышал пуск реактивного снаряда. Это люди, приехавшие на «Семурге», запустили китайский «РС» в сторону города. Поскольку реактивной установки они не имели, запуск был произведен непосредственно с откоса арыка. Никакого толку от такой стрельбы (на кого бог пошлет) не было, тем не менее, в зачет группе выстрел шел, поскольку вызывал лишнюю панику среди населения и нервозность в кабинетах чиновников.

Отстрелявшись, «духи» попрыгали в «Семург» и поехали прочь из кишлака. Они не знали, что смерть придет очень скоро и, наверное, неожиданно.

Фугас сделал свое черное дело. Из шести человек, что сидели в машине, двоих разорвало в клочья. Взрывной волной машину перевернуло, она свалилась в арык. Еще двое «духов», придавленные машиной, утонули в арыке. Оставшиеся в живых раненые бандиты, в том числе и Джумахан, пытались выбраться на берег, но один из «нафаров» Абдуллы меткими выстрелами навсегда остановил их спасение. Абдулла не успел предупредить подчиненного о том, что желает захватить Джумахана живым.

Уже потом, осмотрев осколочные раны на трупе Джумхана, понял, что тот был не жилец. Абдулла дал распоряжение отрезать голову Джумахана, а труп прикопать в воронке от авиабомбы. Голова предателя требовалась Абдулле в качестве доказательства о свершенном правосудии. А исчезновение трупа станет очередным ребусом для «духов», который можно будет истолковать как угодно…

Джилани ещё долго общался со мной в тот день. Отлично понимая, что его брат кровью повязан с сэром мошавером, Джилани сам предложил мне организовать с ним очередную встречу, которая стала бы продолжением обоюдовыгодных взаимоотношений. В дальнейшем всё так и произошло.

Через пару месяцев, накануне проведения в Кандагарской провинции крупномасштабной операции, возглавляемая Абдуллой группа перейдет на сторону госвласти и, подписав секретное соглашение с руководством царандоя, приступит к исполнению особых заданий в тылу у непримиримых моджахедов. Но это тема отдельного повествования.

Для советских солдат и офицеров, кому пришлось хлебнуть лиха в Кандагарской провинции, Абдулла и ему подобные навечно останутся душманами. Такими же душманами для афганцев остались и мы — «шурави».

Вместо эпилога

Изложенные в этом повествовании факты соответствуют реальным событиям. Затронута, правда, незначительная частичка жизни некоторых её участников, волею судьбы ставших моими персонажами.

Командующий кандагарским царандоем полковник Мир Акай, бывший военный летчик, имевший это звание еще до Саурской революции, так и не дождался благосклонного к себе отношения со стороны своего бывшего подчиненного сержанта Гулябзоя, ставшего в 1979 году министром внутренних дел Афганистана. В конце 1988 года Мир Акай эмигрировал со своей семьей в Пакистан, где, возможно, проживает и теперь.

Абдулла в мае 1988 года, узнав через Джилани о моем отъезде на Родину, немыслимыми путями добрался до Кабула, и был последним из моджахедов, кого я видел в Афгане. Встреча происходила в одном из домов в старом квартале недалеко от дороги, ведущей из Кабула в Баграм. Позже до меня дошли слухи, что Абдулла погиб в бою с талибами, которые в 1994 году установили свою власть в Кандагаре.

Начальник спецотдела Аманулла с семьей уехал в провинцию Парван и его дальнейшая судьба — полная для меня загадка. Говорят, что он потом продолжил работу в разведке Северного альянса. Но это — никем не подтвержденная информация.

Балагур Джилани в 1989 году уехал с семьей жить в Герат, и устроился водителем грузовой автомашины. То, что он почти два года отработал в спецотделе, для окружающих людей было тайной за семью печатями.

Генерал Муслим Исмат после вывода советских войск из Афганистана продолжил и дальше верховодить в Кандагаре. В 1991 году в провинции начнет поднимать голову движение «Талибан». Идейный вдохновитель талибов — Мулла Омар, до этого не значившийся в списках ни советских, ни афганских спецслужб, сплотит в ряды наиболее воинствующих полевых командиров. Не желая делиться властью, генерал Исмат и его «малиши» вступят в жесточайшую схватку с Муллой Омаром и его сподвижниками.

С Серегой-артиллеристом осенью 1987 года произошел несчастный случай. Передвигаясь из городка в сторону Майдана, он уселся на «ресничку» «персонального» тягача. Водитель на тягаче был салабоном, буквально на днях прибывшим из Союза. Он вовремя не среагировал на то, что шедшая впереди бурбухайка резко затормозила. Тягач со всего маху залетел под

высокий борт грузовика, и «ресничка», как лезвие, отсекла парню обе ноги. Ещё находясь в Ташкентском госпитале, Сергей узнал, что от него ушла жена…

Жизнь обломала Серегу. Он серьезно запил, а 15 мая 1989 года, в первую годовщину начала вывода советских войск из Афганистана, надев камуфляжный костюм, повесился в квартире своих родителей. До своего 25-летия он не дожил всего неделю.

Вернувшись на Родину, я, Анатолий Воронин, еще девять лет работал в системе МВД. Судьбой мне было уготовано побывать еще на одной войне — в Чечне. О том, как и что это было, можно написать не один страшный рассказ. Две разные войны, но как оказались похожи!..

Зная о моих похождениях в Афгане, близкие друзья — из тех, кто там тоже побывал, — считают, что заслуженно прозвали меня «душманом». Но я на это, конечно, не обижаюсь.

Астрахань, май 2002 года.

notes

Примечания

1

Царандой — народная милиция, или МВД Республики Афганистан.

2

Нюрки — легкие самоходные артиллерийские установки воздушно-десантных войск.

3

Кампайн или ООНовский городок — небольшой огороженный участок земли на восточной окраине Кандагара, где жили советские советники.

4

Бобо — старик.

5

«Бригада» — 70-я Отдельная мотострелковая бригада.

6

Хадовцы — сотрудники МГБ Афганистана.

7

Дехходжа — жилой микрорайон на восточной окраине Кандагара, в котором до Апрельской революции проживали наиболее зажиточные слои афганских граждан.

8

Кяриз — колодец; система ирригации, использовалась как подземные ходы.

9

Маринка — речная рыба, водящаяся в горных реках Афганистана.

10

Парванис — безразлично (дословно — пофигу).

11

Малиши — (здесь) бывшие моджахеды, перешедшие на сторону госвласти, что-то вроде вооруженного народного ополчения, осуществлявшего свою деятельность под контролем МГБ. Исматовцы, о которых говорилось выше, тоже были малишами.

12

Мошавер — советник.

13

НДПА — Народно-демократическая партия Афганистана.

14

Аргандаб — кишлак Кукимати Аргандаб — уездный центр в пятнадцати километрах к северо-западу от Кандагара.

15

Майдан — Кандагарский аэропорт.

16

Навруз — Новый год по восточному календарю.

17

Чавнай (Чаунай) — район на западе Кандагара.

18

Нагахан — кишлак недалеко от Кандагара.

19

ДИРА — Движение исламской революции Афганистана

20

Инзибод — телохранитель.